

История о необычном походе за фотографиями

Солнечный свет пробивался сквозь ветви и листву, отбрасывая на асфальт причудливые тени. Я сжимал в руке карту памяти, забитую до отказа фотографиями, и бесцельно брел по дороге в фотоателье. Мое последнее литературное произведение зашло в тупик, сюжет запутался тугим клубом нитей, и я никак не мог распутать его. Шагая вперед, я размышлял о дальнейших поворотах истории: сцена встречи главного героя с таинственным Божественным Зверем по имени Чжаоянь казалась мне какой-то поспешной, словно я ввел его слишком рано, лишь бы побыстрее продвинуть сюжет.

Одолеваемый сомнениями, я зашел в небольшую фотомастерскую. Передав карту памяти хозяйшке, я решил прогуляться по окрестностям, чтобы скоротать время. Стоило мне выйти на улицу, как от оживленного рынка неподалеку донеслись шум и гул голосов. Словно под воздействием какой-то неведомой силы, я побрел в ту сторону.

На рынке было яблоку негде упасть, со всех сторон доносились зазывающие крики торговцев. Лавируя между рядами, я глазел по сторонам, и мое внимание привлекла пестрая мелочь на прилавках. Вдруг мой взгляд зацепился за несколько пушистых игрушек на переднем плане: их круглые тельца, мягкая шерстка и умильные мордашки мгновенно покорили мое сердце. Не удержавшись, я подошел, тщательно выбрал парочку, расплатился и, прижимая игрушки к груди, с восторгом продолжил прогулку, втайне надеясь, что фотографии будут готовы как можно быстрее.

Погруженный в радость от удачной покупки, я случайно бросил взгляд на толпу и заметил впереди фигуру с косичкой в стиле династии Цин. Человек был высокого роста, шагал уверенно и выглядевший донельзя чужеродно на современной улице. В моем сердце шевельнулось любопытство: почему этот тип кажется мне таким знакомым? Я невольно замедлил шаг и принялся издали наблюдать за ним.

Только тут я заметил, что за ним послушно семенит огромная, внушительного вида собака — мощное телосложение, острый взгляд. Но еще больше меня поразило то, что прямо посреди его лба красовалось нечто, подозрительно напоминающее глаз, который странно поблескивал на солнце, точно какая-то наклейка. Я протер глаза и присмотрелся к его одеянию: широкие рукава и просторные одежды, а на поясе болтаются старинные подвески. Как ни посмотри, этот наряд выглядел так, будто его владелец только что угодил сюда из глубокой древности.

В моей голове словно взорвалась бомба: неужели это сам Эрлан-шэнь Ян Цзянь? Но с какой стати у него прическа и прикид времен Цин? Этот микс выглядел до безумия странно и разил несоответствием за версту.

Пока я терзался догадками, мимо нас неспешно прошествовала миниатюрная Девятихвостая лиса. Она была белоснежной от кончиков ушей до лап, ее девять хвостов — пушистыми и мягкими, и при каждом шаге они легко покачивались, напоминая облачка на краю неба. Я невольно замер на месте, не отрывая глаз от этого редчайшего Божественного Зверя.

И тут этот «трехглазый братец», подозрительно смахивающий на Эрлан-шэня, кажется, тоже заметил Девятихвостую лису. Его глаза вспыхнули, и, не говоря ни слова, он вместе со своим псом взмыл вверх и в мгновение ока очутился на большом дереве у дороги — движения были до невероятного проворными. Я вытаращил глаза, совершенно не понимая, что он задумал.

Девятихвостая лиса не спеша подошла к дереву, ни капли не подозревая о грозящей сверху опасности. В этот самый момент Ян Цзянь внезапно сорвался с ветки и с ювелирной точностью приземлился прямо рядом с лисой, сгребая ее в охапку. Следом за этим он принялся самозабвенно тискать зверька: на его лице сияла блаженная улыбка, а руки непрерывно ерошили пушистую шерстку.

Бедная Девятихвостая лиса мгновенно ошетилилась, на ее мордочке отразился полный крах всех надежд. Она отчаянно забилась, пытаясь вырваться, а девять хвостов беспорядочно зашевелились в воздухе — зрелище одновременно комичное и жалостливое. Глядя на эту пушистую и мягкую шерсть, я и сам невольно залюбовался, мысленно пожелав хоть разок ее погладить — ощущения, должно быть, просто потрясающие.

Пока Эрлан-шэнь самозабвенно утыкался носом в белоснежный мех Девятихвостой лисы, издавая довольные вздохи, та внезапно замерла посреди отчаянных попыток вырваться. Ее янтарные вертикальные зрачки сузились, кончики ушей едва заметно затрепетали, словно уловив некий таинственный сигнал. Девять пушистых хвостов зашевелились сами собой, хотя ветра не было, а их кончики заискрились слабым белым светом, и вся фигура лисы вмиг обрела свирепый и грозный вид.

Дурно! Сердце в груди забилось тревожным набатом. Девятихвостая лиса резко выгнула спину, вокруг нее заплясали тончайшие электрические разряды, а белоснежная шерсть вздыбилась пушистым шаром, превратившись в подобие готового взорваться снежного кома. Под чистый, звонкий лисий крик она с грохотом взорвалась облаком бело-голубого дыма с отчетливым ароматом сандалового дерева. Проходившие мимо зеваки с испуганными криками шарахнулись назад, и лишь Эрлан-шэнь с собакой на руках остался непоколебим. Он лишь с любопытством приподнял бровь:

— Ого, да ты умеешь фокусы!

В тот момент, когда дым рассеялся, я чуть не прикусил собственный язык. Прежняя прелестная Девятихвостая лиса теперь выглядела жутковато: ее шею венчало человеческое лицо красавицы из Цзяннаня. Брови — словно туманные дали на холмах, глаза — как осенняя рябь на воде, а губы казались алыми без всякой помады. И всё это великолепие странным образом сочеталось с пушистым белоснежным лисьим телом, а девять хвостов продолжали тревожно метаться сзади. Эта сюрреалистичная картина напомнила мне неудачные описания Техники Принятия Облика в романах, и я не удержался, прикрыв рот рукой и заходясь в беззвучном смехе.

— Ч-что за безобразие! — Эрлан-шэнь отшатнулся на полшага, потрясенный открывшимся зрелищем, а сидевший на руках Сяоотяньцюань издал озадаченное «гав». Стоило ему разжать руки, как лиса с лицом красавицы бесславно брякнулась оземь, продолжая стоять на четвереньках с застывшим от ужаса выражением человеческого лица, а тонкий голосок

смешался с твяканьем:

— А-а! Почему моя техника снова дала сбой?!

Эрлан-шэнь со злосчастным выражением лица вытащил платок, вытер руки, отвесил поклон барахтающейся на земле лисе:

— Прошу прощения, бессмертная фея, потревожил.

С этими словами он коснулся земли носком сапога, и из-под ног забил ключом клубящийся счастливый свет облаков. Подхватив Сяоотяньцюань, он взмыл в поднебесье и напоследок лишь сокрушенно покачал головой, глядя на мир смертных:

— Эх, ладно уж... Нынче демоны пошли никудышные, не стоит этот мир моих усилий...

Зеваки разразились дружным хохотом. Я проводил взглядом удаляющуюся тень облака, а затем опустил глаза на Девятихвостую лису, которая все еще в бешенстве отчитывала собственное отражение, и тут же вспомнил ту вечно влипающую в неприятности Девятихвостую лису по имени Цзю Юэ из комиксов и аниме. Я уж было хотел сделать шаг вперед и поздороваться, как вдруг увидел, что ее девять хвостов раздраженно взмахивают, поднимая вихрь, пока она топает ногой по пустоте:

— Знал бы прикуп — послушал бы братца и записался на курсы по Технике Принятия Облика!

Я остановился и с улыбкой покачал головой. В этот странный и причудливый полдень некоторые чудеса, пожалуй, лучше оставлять окутанными завесой тайны. Когда я повернулся, вывеска фотомастерской ярко сияла на солнце — хозяйка прислала сообщение, что фотографии уже заламинированы, и я быстрым шагом направился к магазину.

Я бережно принял из рук владелицы бумажный конверт из крафт-бумаги, и мои пальцы скользнули по гладкой ламинированной пленке на уголках снимков. Заходящее солнце косыми лучами заливало фотоателье, окрашивая тени и свет на карточках в теплые золотистые тона. Стоило мне бросить взгляд на содержимое, как я тихонько прыснул со смеху.

— Если Сибусян увидит эту фотку, боюсь, он станет гонять меня по всему двору, — с улыбкой на губах подумал я, воображая вечно недовольного Божественного Зверя со взъерошенной шерстью. Наверняка он еще и боднет меня головой в поясницу, сердито бурча: «Человек, немедленно удали!». А Ту Е наверняка стал бы гладить себя по подбородку, прищурившись разглядывать снимок, а потом бы взмахнул рукой: — Забираю эту фотографию! О цене договоримся!

В конверте нашлось еще несколько случайных кадров, где резвятся Чжаоянь и Тяньлу. На снимке пушистая шерстка Тяньлу сплошь усыпана травинками, и он озорно вцепился зубами в хвост Чжаояня, пока тот, прищурившись, лениво покусывал его в ответ. Валяясь клубочком в траве, они до боли напоминали два мягких клубка ниток — сплошное умиление. Каждая карточка запечатлела драгоценные мгновения, и я бережно убрал их — такие сокровища стоило хранить всю жизнь.

Возвращаясь домой под занавес заката, я все еще был погружен в воспоминания и даже не подозревал, что эта вредина давно уже выбралась наружу прямо изо рта задремавшего Тяньлу. Сейчас она преспокойно сидела на обувной тумбе в прихожей, болтая пушистыми короткими лапками, и дожидалась моего возвращения, чтобы засыпать меня кучей вопросов.

<http://bllate.org/book/22385/2348593>